

Жун Юй проснулся, когда Цинь Чэн переодевался в официальный костюм. Вчера они спали на одной кровати, и хотя между ними оставалось расстояние в два кулака, чувствительный Омега всё ещё чувствовал себя немного неудобно.

Возле кровати Цинь Чэн застёгивал пуговицы рубашки, не отрывая взгляда от Жун Юя, который казался крошечным комочком в огромной постели.

Он ещё не совсем проснулся и, похоже, не понимал, где находится. Длинные ресницы дрожали каждый раз, когда он моргал.

Пушистые кошачьи ушки на голове так и не спрятались с прошлого вечера. Сейчас он изо всех сил потянулся.

Повернув голову, он наконец увидел Цинь Чэна рядом и тут же от смущения нырнул под одеяло.

Это чувство было странным, словно Цинь Чэн действительно завёл себе котика.

Вспомнив содержание дневника Жун Юя, который он видел вчера, на лице Цинь Чэна появилась хитрая улыбка. Он опустился на одно колено у кровати, чтобы подразнить застенчивого котёнка:

— Жена~

— ... — Жун Юй, у которого только что показались ушки, снова попытался спрятаться под одеяло.

Цинь Чэн был в отличном настроении. Он настойчиво похлопал по простыне:

— Твой муж собирается на работу. Ты не встанешь, чтобы помочь мне завязать галстук и проводить меня?

— ... Я... я не умею... — пробормотал Жун Юй глухим голосом.

— О~ Это не проблема. Я могу научить тебя.

— Я... Цинь Дагэ... Не дразни меня... Я научусь потом... Я думал... что ты уже ушёл.

— А~ И что ты собирался делать дальше? Полизать свои лапки и умыться? Или...

— Н-нет! — Жун Юй, задыхаясь от смущения, сбросил одеяло и столкнулся взглядом с Альфой, который нависал над ним с насмешливой улыбкой.

Цинь Чэн, видя, как покраснело лицо Жун Юя, как дрожат его ушки, и чувствуя всё более интенсивный аромат белого чая от Омеги, наконец выпрямился:

— Кхм. Ладно, сегодня я тебя отпускаю, маленький Жун Юй. В ближайшие дни будь осторожнее. В больнице почти готов твой ингибитор. Независимо от того, буду ли я рядом или нет, тебе нужно подготовиться к следующей течке.

Упоминание течки самым утром заставило щёки Жун Юя гореть ещё сильнее. Он кивал, как птенец.

Цинь Чэн, соблазнённый сладким ароматом белого чая, исходящим от маленького Омеги,

поспешил уйти.

Жун Юй, закончив умываться, спустился вниз и увидел госпожу Цинь, которую он видел лишь однажды. Её лицо было искажено гневом, она заносила ногу, чтобы пнуть корги, лежащего у её ног...

По дороге домой она снова и снова смотрела на результат анализа, который показывал, что она беременна уже больше месяца. На её лице читались и удивление, и радость.

Невероятно. Её матка, пустовавшая десять лет, снова приняла новую жизнь.

Но вместе с радостью пришли и тревоги.

Десять лет назад Цинь Хэ привёз её в дом Цинь. Тогда ему было тридцать восемь, а ей — двадцать восемь, и она уже носила под сердцем трёхмесячного ребёнка.

Но в то время мать братьев Цинь только что умерла, и братья Цинь смотрели на неё как на хищницу. Из-за случайной гибели матери они ненавидели её, скрежеща зубами.

Когда женщина становится жестокой, она не жалеет даже саму себя. Чтобы получить полную защиту Цинь Хэ, она намеренно спровоцировала ссору с Цинь Чэном.

Затем она наняла человека, чтобы натереть полы лестницы воском, и «случайно» упала. Плод тут же превратился в лужу крови.

Все причины выкидыша Лю Мэй указывали на Цинь Чэна. Цинь Хэ не стал слушать настойчивые объяснения старшего сына, и Лю Мэй с тех пор укрепила своё положение в доме Цинь благодаря сочувствию.

Но, казалось, это было и наказанием судьбы для Лю Мэй. После того как она собственноручно уничтожила своего первого ребёнка, она больше не могла забеременеть.

Она обошла множество больниц, и все врачи говорили, что её матка слишком слаба, чтобы выносить ребёнка.

Однако когда Лю Мэй уже почти смирилась с мыслью, что никогда не станет матерью, новая жизнь тихо пришла. Она в радостном возбуждении помчалась домой, чтобы сообщить мужу новость.

Дерево, которое они посадили месяц назад в порыве страсти, принесло плоды, но Цинь Хэ сообщил ей, что братья Цинь, которые никогда её не любили, собираются вернуться жить домой!

Лю Мэй, сжимая в руке результат анализа, устроила Цинь Хэ грандиозную скандал, но так и не смогла заставить его отменить это решение.

Мужчина даже приказал ей впредь сидеть в своей комнате и не шляться без дела. Лю Мэй в ярости убежала в спальню вытирать слёзы.

После того как она выплакалась, она трезво оценила своё положение.

Если бы братья Цинь возвращались в старый особняк так редко, как раньше, она могла бы спокойно родить ребёнка и только потом дать им знать. Но сейчас ситуация изменилась.

Теперь ей предстояло жить под одной крышей с братьями Цинь. Если они узнают о её беременности сейчас, то, как только Цинь Хэ умрёт, они обязательно будут опасаться, что она использует ребёнка в борьбе за наследство.

Тогда под угрозой окажется не только её ребёнок, но и она сама.

Женщина снова спокойно выбрала молчание. Она разорвала результат анализа на мелкие кусочки и смыла их в канализацию.

Этот ребёнок был словно искуплением за первого. Она должна была безопасно родить его и вырастить.

Поэтому ей нужно было устранить любые препятствия, угрожающие её выживанию и выживанию ребёнка.

Теперь ей оставалось только идти вперёд, шаг за шагом.

Именно на следующий день после бессонной ночи, полной планов, выйдя из спальни, она увидела собаку, лежащую у двери ванной.

Лю Мэй, с детства боявшаяся собак, чуть не закричала и мгновенно отскочила в сторону.

У каждого человека есть инстинктивная реакция на то, чего он боится: либо игнорировать это, либо заставить объект исчезнуть.

Лю Мэй одной лишь мысли о том, что ей предстояло жить под одной крышей с этой собакой, будучи беременной, хватило, чтобы её охватила ярость.

Она подняла ногу, чтобы дать слепому щенку хороший пинок, чтобы в будущем он держался от неё подальше.

Но в тот момент, когда её нога была готова опуститься, Жун Юй сбежал с лестницы:

— Тётя! Пожалуйста, не причиняйте ему вреда!

Жун Юй выхватил Жун Сяожуна из-под ног Лю Мэй, прижал к себе и, не говоря ни слова, низко поклонился женщине, извиняясь:

— Простите, тётя. Это я не уследил за своим питомцем. Пожалуйста, простите его в этот раз.

Встретившись с искренним и тревожным взглядом Жун Юя, женщина на мгновение отвела глаза, подбирая нужные слова.

Она улыбнулась ему:

— Сяо Юй, ты неправильно понял. Я... я просто хотела аккуратно подтолкнуть этого щенка ногой. Ведь если он лежит у двери, его могут случайно наступить. У меня не было злого умысла.

Глядя на улыбающуюся во весь рот Лю Мэй, Жун Юй снова попытался вызвать у неё симпатию к своему питомцу:

— Простите, я неправильно понял вас. Его зовут Сяожун. Похоже, предыдущий хозяин издевался над ним, поэтому Сяожун не умеет лаять, но он очень послушный. Тётя, вам не

нужно бояться. Я буду следить, чтобы Сяожун не бегал где попало.

Женщина улыбнулась и сказала:

— Хорошо.

...

Чтобы обеспечить Жун Сяожуну свободу, Жун Юй вывел его во внутренний двор особняка.

Солнце светило ярко. Жун Юй и щенок весело бегали по засаженному травой двору. Их радостные голоса привлекли внимание Чу Цзяэня, который рисовал на балконе второго этажа.

Чу Цзяэнь повернул голову и посмотрел на Омегу, лицо которого сияло улыбкой.

Он видел всё, что произошло утром, со своего места наверху.

Хотя он был по натуре холоден и не любил сближаться с людьми, видя этого наивного Омегу, которого так легко обидеть, он не мог удержаться от желания доброжелательно предупредить его.

Поэтому Жун Юй окликнул Чу Цзяэнь, стоявший у открытого окна на втором этаже:

— Невестка, можно к тебе подняться на минутку? У меня есть хороший фильм, которым хочу с тобой поделиться.

Получив такое неожиданное приглашение от «ледяной красоты», глаза Жун Юя загорелись. Он поднял уставшего Жун Сяожуна и побежал наверх.

Эта комната была отведена под мастерскую Чу Цзяэня. Жун Юй смотрел на масляную картину на мольберте и в душе восхищался художественным вкусом своего деверя.

— Эм... Цзяэнь, не называй меня невесткой, это звучит странно. Лучше просто звать меня по имени, — улыбнулся Жун Юй.

Тот тоже слегка улыбнулся:

— Хорошо. Тогда я буду звать тебя по имени.

Жун Юй кивнул:

— О каком фильме ты говорил?

Цзяэнь тяжело вздохнул и серьёзно предупредил Жун Юя:

— Утром я видел, что произошло между тобой и тётёй Лю. Жун Юй, эта женщина — не добрый человек. Смерть госпожи Цинь неразрывно связана с ней. Ты ни в коем случае не должен позволять её маске и словам обмануть тебя. Утром она явно хотела пнуть твою собаку. Разве не видно, как сильно?

Жун Юй смотрел с недоверием, но, вспомнив, что эта женщина не вызывала у Цинь Чэна никаких симпатий, он поверил холодному предупреждению Цзяэня:

— Х-хорошо. Я буду... держаться от неё подальше. От тётёи Лю.

Чу Цзяэнь, глядя на робкий вид Жун Юя, всё ещё беспокоился. Он мог чувствовать запах феромонов Жун Юя.

Чистый аромат белого чая — явный признак того, что его не полностью пометила Альфа.

Он довольно неестественно задал лишний вопрос:

— Ты... ты тоже не полностью помечен?

Жун Юй:

— ...

Цзяэнь, кажется... ляпнул лишнее...

Так два Омеги, не имеющие полной метки, сидели положив руки на колени, завяз в неловком молчании...

Жун Юй старался избегать Лю Мэй, эта змея подколотная, но она думала иначе.

Пока в доме была эта собака, она чувствовала, что ни минуты не будет спокойна. Поэтому она решила во что бы то ни стало избавиться от неё.

Собака принадлежала Жун Юю, но в конечном итоге Лю Мэй хотела избавиться и от братьев Цинь, которые угрожали ей и ребёнку в её утробе.

Она выбрала Жун Юя как самую мягкую мишень. Чтобы прогнать всех, нужно было начать с того, кого проще всего обидеть.

Вечером Жун Юй помогал поварихе готовить ужин, когда Лю Мэй вошла на кухню с керамической кружкой, которая явно стояла недешево.

Цинь Хэ в это время каждый день пил кофе молотого помола. Слуга клал заранее подготовленный молотый кофе в кружку и заливал кипятком.

Последний шаг — подать кружку Цинь Хэ — обычно выполняла сама Лю Мэй, но сегодня она внезапно попросила Жун Юя сделать это за неё.

Женщина держалась за ручку кружки и вдруг окликнула Жун Юя, стоявшего к ней спиной:

— Сяо Юй, не мог бы ты отнести кофе в кабинет наверху? Мне вдруг захотелось выпить горячей воды, а твой папа, наверное, не захочет ждать.

Жун Юй не мог отказать. Он тут же согласился и, не задумываясь, потянулся за кружкой.

Но прежде чем кружка из рук Лю Мэй оказалась в руках Жун Юя, женщина разжала пальцы.

Тяжёлая кружка вместе с обжигающим кофе ударилась о белый пол.

Жун Юй в панике присел на корточки, но из-за сильного волнения подушечка его указательного пальца резко наткнулась на осколок фарфора.

Кожа Омеги была нежной и мягкой, подушечку тут же разрезало, и тут же кровь смешалась с кофейной гущей.

Жун Юй взял всю вину на себя. Суетливо собирая осколки, он снова порезал палец об острый край керамики.

Повариха вприпрыжку побежала за веником и шваброй, а Лю Мэй стояла над ним, «коря себя»:

— Что же делать? Это всё моя вина. Твой папа достал эту кружку на аукционе за огромные деньги... Это была его любимая кружка, а теперь... теперь я её разбила...

Жун Юй, морщась от боли, продолжал складывать осколки в мусорное ведро, при этом утешая женщину:

— Это я... это я слишком медленно протянул руку...

<http://bllate.org/book/16806/1545449>